

«Детское чтение для сердца и разума»

Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

8

2015 (194)

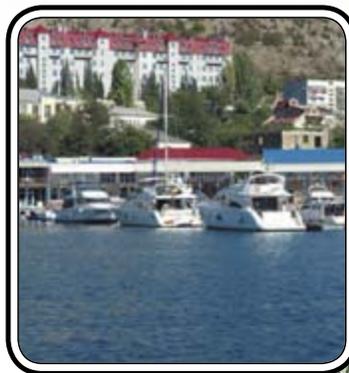
6+

детская

БУХТИНЫ:

Умная Тамара

УГОЛОК РОССИИ:

Божия страна

Софья
Могилевская
**Марка страны
Гонделупы**

ISSN 1684-0895
9 771684 089001 >

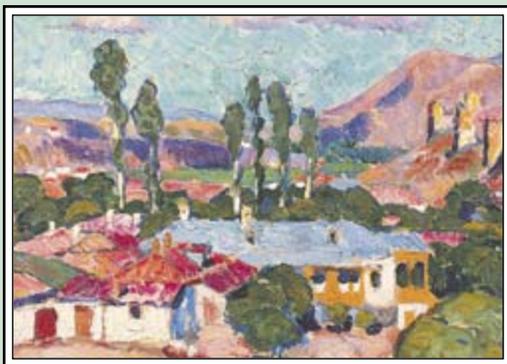
Художник Фёдор Васильев
«Грозные облака». 1868–1871 гг.

Фёдор Пюттлев

*В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное...*

*Час от часу жар сильнее,
Тень ушла к немым дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.*

*Чудный день! Пройдут века —
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное.*

И. Машков
Крымский пейзаж. Судак
1920-е гг.

В номере:

3

Софья Могилевская

Марка страны Гонделупы (главы из повести)

16

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Ольга Евстигнеева

**Талантливая русская художница:
Зинаида Серебрякова**

21

УГОЛОК РОССИИ

Сергей Иванов

Божия страна

25

РАССКАЗЫ

Владимир Волков

Два рассказа об отце

28

БУХТИНЫ

Михаил Зощенко

**Умная Тамара
Трусишка Вася**

31

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Плясать по чужую дудку

32

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Сергей Глядкин

Достижения цивилизации. Освоение космоса

34

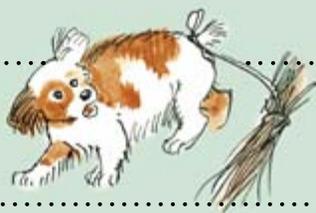
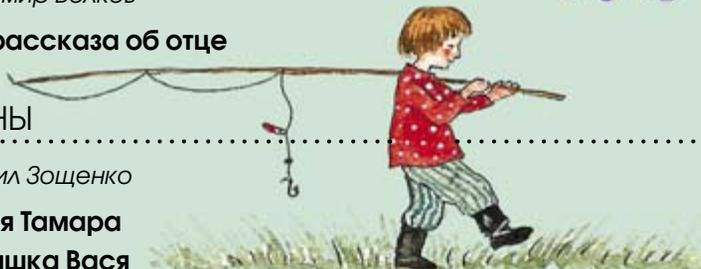
СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Николай Храпов

Как умывается жираф?

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор

Юрий Козлов

Зам. главного редактора

Екатерина Рощина

Художественное
редактирование

Татьяна Погудина

Зав. производством

Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение

Александр Муравенко

Главный бухгалтер

Людмила Дьячкова

Зав. распространением

Ирина Бродянская

Юрисконсульт

Виктор Кудинов

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован

Министерством общего

и профессионального

образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге
агентства «Роспечать»:

72766 — на полгода

71899 — на год

Учредитель: ЗАО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,

ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации

№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано

в ОАО «Первая Образцовая
типография»

Филиал «Чеховский

Печатный Двор»

(142300, Московская обл., г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1)

Факс: 8 (496) 726-54-10,

Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела

продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpd.ru

e-mail: sales@chpd.ru

Тираж 3000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 3127

© «Роман-газета», 2015 г.

Выпуск издания осуществлён

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

Авторов материалов,

использованных в этом номере,

просим обращаться в редакцию

Софья
Могилевская

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Художник
Г. Мазурин

Марка страны Гонделупы

ПЕТЯ И ВОВКА

Началось всё как будто с пустяков... В один прекрасный день, усевшись верхом на заборе, Вовка от нечего делать показал Пете язык и запел на все лады:

— Петрушечка, свиндирюшечка! Петру-ушка-свиндирю-ушка! Петру-уха-свиндирю-уха...

Петя обиделся. Он терпеть не мог таких шуток.

— Уходи с нашего забора! — покраснев, крикнул он.

— Не уйду! — весело ответил Вовка. — Забор не ваш, а наш.

Петя сердито нахмурился:

— Вот ещё! Наш, а не ваш!

Но Вовка любил дразниться. Он нарочно перебросил обе ноги в Петин сад, да ещё в придачу забарабанил босыми пятками по доскам забора.

— Не ваш, а наш! Не ваш, а наш! Не ваш, а наш...

Этого Петя стерпеть не мог. Он схватил камешек, размахнулся и сплеча запустил им в Вовку.

И надо же — камень угодил Вовке прямо в ногу! Должно быть, очень больно, потому что Вовка громко заревел и, скovyрнувшись с забора, побежал домой.

«Теперь будет знать!» — с торжеством подумал Петя. Сжав для храбрости кулаки, он направился к забору.

Но не тут-то было.

Над забором вдруг появилась лохматая голова. Длинноногий верзила в полосатой тельняшке уселся на перекладине и в упор посмотрел на Петю. При этом он чуть-чуть прищурил правый глаз. Это был двоюродный Вовкин брат пятиклассник Сергей. У Пети екнуло сердце. Кулаки разжались и сами собой опустились вниз.

Однако от забора он не отступил.

В это мгновение вынырнула ещё парочка Вовкиных двоюродных братьев два близнеца: Ванечка и Мишенька. Эти с трудом вскарабкались на забор и, выпучив круглые глазки, тоже уставились на Петю.

Ну, их-то, во всяком случае, можно было не бояться. Подумаешь, четырех-летние клопы!

Тем не менее Петя сделал шаг назад. Правда, очень маленький шаг. Скорее полшага, чем шаг. Но всё-таки...

И вдруг забор застонал и пошатнулся. Казалось, огромные столбы, врытые в землю, сейчас согнутся и лягут набок вместе с досками. На забор взгромоздились два самых старших брата Чернопятко — Григорий и Андрей.

И вся компания в грозной тишине устремила глаза на Петю.

Ох!..

У Пети подогнулись коленки, и он мгновенно исчез из сада.

Откуда же он мог знать, что у Вовки в гостях все его двоюродные братцы? Не вступать же с ними в бой, как вы думаете?

С этого самого дня всё и началось.

А казалось, чего бы им ссориться?

И жили они совсем рядышком. И отцы их работали на одном заводе. И забор у них был общий. Правда, забор этот был высокий, плотный, из хорошо пригнанных досок и вдобавок покрашен зелёной масляной краской. Но ведь через самый высокий забор можно перелезть, если за ним ждёт тебя друг...

На следующее после ссоры утро Вовкины куры забрались в Петин сад. Петя задрожал от радости, когда их увидел. Ну, теперь он покажет Вовке и его двоюродным братцам!

Он схватил палку и помчался навстречу курам.

И уж он гонял их по всему саду! Уж он их гонял...

Гонял и вопил не своим голосом. Ошалелые куры бегали, роняя перья. Они кудахтали на весь посёлок.

В конце концов Петя пригнал их обратно к забору, и они перелетели через него обратно на свой двор, словно дикие лебеди. И уже оттуда раздавалось их неистовое кудахтанье.

Вдогонку Петя запустил и палку. Весь забор загрохотал, точно барабан, а куры закудахтали ещё громче.

Это было лихо проделано, ничего не скажешь!

Расплата последовала немедленно. Тут же над забором Петя увидел разгневанное лицо Вовкиной матери и услышал её сердитый голос:

— Сейчас ты у меня увидишь, озорник! А ну-ка зови свою мать... Живо!

Но маму звать не пришлось. Она сама прибежала узнать, что случилось с соседскими курами, почему они так раскудахтались.

Как она огорчилась, услышав о Петиних подвигах!

— Зачем ты трогал чужих кур? — спросила она. Голос у нее был скорее расстроенный, чем сердитый. — Как ты смел?

— Они сами к нам пришли. Я хотел их только выгнать, — насупившись, соврал Петя, не чувствуя, однако, никакого раскаяния за свою ложь.

— Он нарочно, он нарочно, он нарочно... — выкрикнул Вовка, появляясь вдруг над забором возле своей матери. — Я знаю... он нарочно!

— Ты правда нарочно? — спросила мама.

— Нарочно! — твердо ответил Петя, с ненавистью посмотрев на краснощекое лицо врага.

Теперь мама рассердилась по-настоящему:

— Какое безобразие!

— Ага, ага, ага, я говорил, он нарочно! — заорал Вовка и тут же, получив увесистый подзатыльник от своей матери, нырнул вниз.

В общем, куриный конфликт был улажен быстро и совершенно мирным путём. Петина мама извинилась за Петю и сказала, что она готова заплатить за пострадавших кур, если куры как-нибудь пострадали.

Но Вовкина мама от денег отказалась, а лишь попросила, чтобы больше такого не повторялось.

На это Петина мама ответила, что она твёрдо обещает, что больше этого не повторится, и соседки разошлись по домам.

Итак, всё было улажено и все остались довольны. Все, кроме Вовки...

Как? Вместо того чтобы выдрать Петьку за такое нахальное обращение с их курами, шлепок получает кто?

Он, ни в чём не повинный Вовка! И главное — какой позор! — прямо на глазах у злейшего врага.

Где же тут справедливость?

Нет, с этим Вовка мириться не мог... Вечером прямо перед окнами дома, где жил Петя, на дереве болталась старая метла. А рядом висела бумажонка с неуклюжими карандашными каракулями:

— Петруха-свиндирюха повешен за ухо.

На этот раз даже мама возмутилась:

— Ну уж это слишком!.. — и тут же велела Пете снять метлу и кинуть её на помойку.

А Петя был счастлив. Нет, ни на какую помойку он метлу не понесёт. Он сделает по-другому.

Улучив подходящий момент, он заманил к себе в сад Вовкиного щенка Тяпку. Налил ему полную тарелку супу, и, пока этот толстый обжора с жадностью лакал суп, Петя ухитрился привязать к его коротенькому хвосту ту самую метлу, которая висела на дереве перед их окнами.

Потом он перебросил щенка с метлой на Вовкин двор.

К метле была прицеплена записка:

*Вовка, Вовка — кислый квас,
Тухлая капуста.
Съел он старую метлу
И сказал: «Как вкусно!»*

Казалось, конца не будет этой вражде. Казалось, никогда они не протянут друг другу руку мира, не сядут рядышком потолковать о своих делах, как это было прежде.

Казалось, никогда не наступит такой день. Никогда...

ОНИ ПЕРВОКЛАСНИКИ

— Петя, — сказала мама. — А ведь сегодня уже пятнадцатое августа... Лицо у неё стало озабоченным.

Петя ничего не ответил: пятнадцатое так пятнадцатое! Не всё равно?

— Да, — продолжала мама, — скоро первое сентября, и у тебя начнутся занятия в школе.

На этот раз Петя насторожился: почему это у мамы словно бы расстроенный голос? Он спросил:

— Разве тебе не хочется, чтобы начались занятия в школе?

— Как не хочется! Конечно, хочется. Но вот ведь... Прямо понять не могу, как это случилось? Бумаги твои ещё не поданы...

Петя побледнел.

— Мама! — Голос у него дрогнул. — Мама, что ты наделала? Теперь все пропало...

— Ничего не пропало. Завтра сходим привьем оспу, а послезавтра я пойду в школу. Без справки об оспе в школу всё равно не принимают.

Но Петя и слушать не хотел ни о каком «завтра». Какие могут быть «завтра», если существует «сегодня».

Нет, он был не таким человеком, чтобы откладывать что-либо на следующий день.

— Сегодня пойдем и привьем оспу! — твердо сказал он. — Прямо сейчас же. Нет. Сегодня мама не могла.

— Как ты не понимаешь, — сказала она, начиная сердиться, — у меня есть дела. Сказала — завтра, завтра и пойдем.

Нет. Петя не мог ждать до завтра. Как мама не хочет понять — больше откладывать невозможно.

— Тогда иди сам! — сердито проговорила мама. — Пожалуйста, иди. Тебя никто не держит.

И Петя ушел очень рассерженный.

Собственно говоря, мама сказала это просто так. Она, конечно, не думала, что Петя пойдет без неё в поликлинику, да ещё прививать оспу.

А Петя уже шагал по главной улице заводского поселка, направляясь в ту сторону, где среди пёстрого цветника стояло белое двухэтажное здание поликлиники.

Возле проходной — дверей, куда рабочие входили на завод и откуда выходили после работы, — Петя немного задержался. Там висели огромные электрические часы и великолепный градусник побольше самого Пети.

Лиловый столбик на этом градуснике поднялся очень высоко, хотя было ещё утро и часы показывали без пяти десять. Но и без градусника было ясно: какая жара! Асфальт на солнечной стороне тротуара размяк и продавливался под пятками сандалий. А георгины — уж на что выносливые цветы! — и те опустили листья. Все лето было такое, и август не уступал июлю.

Сейчас у проходной было пусто и тихо: не наступил ещё час обеденного перерыва. Только в табачном ларьке, отмахиваясь от мух, дремал знакомый старичок, у которого папа всегда покупал папиросы «Беломор».

Но Петя отлично знал: стоит только часовой стрелке вместе с минутной очутиться на двенадцати — и всё мгновенно переменится.

Петя любил смотреть, как это бывает. Иногда он приходил сюда встречать своего папу. Приходил пораньше, чтобы увидеть всё с самого начала; как дрогнет последний раз большая минутная стрелка, соединившись с короткой — часовой; как гудок тут же зальется громко и басисто, а из дверей проходной начнут выходить рабочие завода. Сначала их будет немного. Потом будет становиться всё больше и больше. И тогда нужно хорошенько смотреть, чтобы не прозевать папу...

А как приятно бывает среди такой массы незнакомых людей увидеть его!
«Папа! — кричал тогда Петя, бросаясь всем наперерез и расталкивая всех локтями. — Папа, я здесь!»

«Петя?» — всякий раз удивлялся папа, когда видел Петю возле проходной. Он брал в свою большую руку маленькую руку сына, и они, как и все, спешили домой, чтобы успеть помыться и поесть до конца обеденного перерыва.

От папиных рук и спецовки пахнет машинами, железом и ещё каким-то особенным заводским воздухом. И Петя незаметно для папы нюхает и папину руку, и рукав его рабочей куртки. И ему кажется, что лучше этого заводского запаха ничего нельзя себе представить...

«Сегодня вы тоже испытывали новый станок?» — спрашивает он у папы.

«А как же! — отвечает папа. — Токарно-винторезный...»

«Хорошо работает?» — снова спрашивает Петя.

Подумать только, какие серьезные у них разговоры! Не всякому мальчику приходится беседовать со своим папой о таких важных вещах.

«Налаживаем», — отвечает папа. Он смотрит на Петю и смеется одними глазами.

Но сейчас на часах всего лишь без пяти десять, и возле дверей проходной Пете делать нечего. Еще разок взглянув на огромный градусник, он идёт дальше.

Вот и поликлиника! Здесь работает его мама. Здесь Петя не раз бывал вместе с ней. Но сегодня у мамы приема нет, и вот приходится идти одному.

Страшно. Но что поделаешь, если нужно...

Глубоко вздохнув, Петя поднялся по ступеням крыльца. Толкнул тяжелую входную дверь и вошёл внутрь.

Его сразу остановила санитарка в белом халате:

— Тебе, мальчик, что?

— Где тут у вас справки на оспу? — вежливо спросил Петя. И, покраснев, добавил: — Мне завтра в школу поступать.

Тут санитарка, узнав Петю, удивилась:

— Ты один пришел? Без мамы?

— Один, — ответил Петя и, ещё больше краснея, робко сказал: — Что ж тут особенного?

— Молодец! — похвалила санитарка и объяснила: — Иди прямо-прямо по коридору. Шестой кабинет. Найдешь?

Как же не найти? Ведь в пятом принимает его мама. Пятый кабинет так и называется — глазной, и там его мама лечит разные глазные болезни.

— Найду, — сказал Петя. — Я умею считать до тысячи...

— Какой молодец! — снова похвалила санитарка.

И всё-таки, когда этот молодец шёл по коридору, сердце у него колотилось так сильно, что пришлось положить ладошку на живот.

Не вернуться ли домой, пока не поздно?

Но глаза помимо воли отыскивали дверь с цифрой «шесть». И рука против воли толкнула эту дверь. А ноги, уж совсем не желая того, шагнули за порог, и Петя очутился в большой светлой комнате.

Возле дверей за столиком сидела сестра, тоже в белом халате, и писала. Она вопросительно посмотрела на Петю.

— Я один, что ж тут особенного, — упавшим голосом пролепетал Петя.

Вот когда ему стало по-настоящему страшно!

А не удрать ли домой? Прямо сейчас? Сию секунду...

Но удирать было поздно. Сестра в белом халате спросила у Пети, как его зовут, как его фамилия и сколько ему лет.

Петя тотчас ответил, что зовут его Петя, что фамилия его Николаев и что недавно ему исполнилось семь лет.

— Ступай посиди, тебя вызовут, — сказала сестра и всё, что ей сказал Петя, быстро записала в большую книгу.

А Петя пошёл на свободное место у окна и сел.

Сел, глянул направо, на своих соседей, и обмер: рядом с ним, бок о бок (ну кто бы мог такое представить?!), сидел его злейший враг — Вовка.

Но какой же это был не похожий на себя Вовка! Он весь лоснился от чистоты. Его красные щеки блестели, будто два хорошо вымытых помидора. А коленки-то, коленки! Наверно, их терли мочалкой часа два! Если не больше...

Петя посмотрел на свои колени. М-да... Мама покраснела бы и за его рубашку, и за его трусики. Но за колени — больше всего?..

А Петя не собирался краснеть. Ничуть. И если щеки его слегка порозовели, а глаза заблестели, так это вовсе не от стыда. Наоборот — от гордости.

Вовка не решился бы прийти сюда один. Куда там! Рядом с ним сидела мама. И тут же, к великому Петиному удовольствию, она спросила:

— Неужто ты один, Петя?

— Один, — гордо проговорил Петя и небрежно прибавил: — Что ж тут особенного?

— Может, и мне уйти... Останешься? — спросила у Вовки мать. — Вот, будете вместе.

— Останусь, — буркнул Вовка, стараясь не смотреть в Петину сторону.

— Ну и ладно! Коли так, не буду времени терять. — И, твердо шагая, она направилась к двери.

Мальчики остались одни. Они сидели рядышком, надутые, сосредоточенные. И хотя оба отвернулись друг от друга и смотрели в разные стороны, прежней вражды не чувствовали. Наоборот, им очень хотелось поговорить.

Но кто же решится первый?

Петя?

Ну нет! Он скорее проглотил бы кончик собственного языка.

А у Вовки и в мыслях такого не было. Первому мириться, когда Петька кругом виноват? Очень надо!

Иногда они бросали исподлобья друг на друга быстрые незаметные взгляды. Ёрзали на стульях. Но оба молчали, крепко стиснув зубы.

Так прошло пять минут. Потом десять. Потом пятнадцать.

И вдруг совершенно отчётливо из боковой двери раздалось:

— Владимира Чернопятко к врачу.

Петя вздрогнул. Быстро, как на пружинке, повернулся к Вовке:

— Тебя.

— Да, — еле слышно прошептал Вовка, и щеки его стали медленно бледнеть.

Петя почувствовал к своему недавнему врагу такую жалость!..

— Ты не бойся, — прошептал он. — Это не очень больно...

— Я не боюсь, — дрогнувшим голосом ответил Вовка и поднялся со стула.

В ту же минуту тот же голос из той же двери крикнул:

— Петра Николаева к врачу!

— Тебя тоже! — вскричал Вовка, и румянец мгновенно вернулся на его щеки. — Пошли вместе...

— Пошли! — воскликнул Петя.

И оба, рука об руку, они вошли в кабинет к врачу.

— Ага, два дружка-приятеля! Вместе в школу поступать, вместе оспу прививать! — весело встретил их старенький доктор.

— Вместе! — уже ничуть не робея, проговорил Петя.

Вовка же солидно объявил:

— Завтра наши документы пойдут относить в школу. Его и мои.

— Понимаю, понимаю, — сказал доктор. — Ну-ка, снимайте рубашонки... Я вас сначала послушаю, постукаю...

Из поликлиники шли они долго. Сначала остановились и сверили свои справки. Все в них оказалось совершенно одинаково. Все, вплоть до запятых. Конечно, кроме имён и фамилий.

Потом они ещё раз остановились, чтобы поглядеть на только что привитые оспины. И, хотя это были пустяковые, едва заметные царапины, каждый похвалился, как здорово он вытерпел «эту ужасную боль» и даже не пикнул.

У Петинной калитки они остановились.

— Давай сегодня шалаш строить! — предложил Вовка.

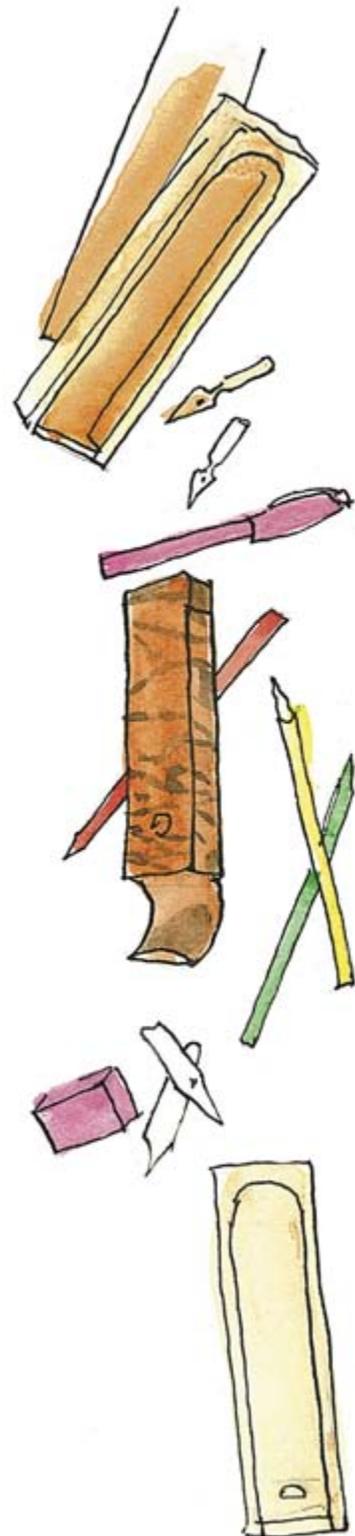
— Ладно, — согласился Петя. — Только лучше у нас в саду...

— Только поближе к нашему забору, — сказал Вовка.

— Не к вашему, а к нашему... — упрямо сдвинув брови, начал было Петя. Но одумался. Примирительно сказал: — А забор-то не ваш и не наш, а заводской.

— А ты думал! — усмехнулся Вовка.

На следующее утро мама пошла записывать Петю в школу. Он остался дома и не мог найти себе места от волнения. Он слонялся по саду, ничем не мог заняться. И Вовки, как назло, нигде не было. Даже десяток вишен, чудом уцелевших среди листьев, не доставили Пете никакого удовольствия. Он съел их с мрачным видом, хотя вишни были необычайно сладки

той особенной сладостью, какая бывает у последних ягод, перезрелых и чуть проявленных солнцем.

Уж какие там вишни, когда мамы нет и нет! Всё-таки странно, почему так долго? Может, справка об оспе не годится? А вдруг они уже опоздали? Вот ведь какая мама! Он просил её пойти пораньше, а она выбралась только в половине десятого...

Да, да, так оно и есть — его не приняли! И она нарочно не идёт, чтобы его не огорчать.

И вдруг...

— Петя! Петушочек!

Петя видит: в раскрытой настежь калитке стоит мама.

Мама щурится от солнца, ищет его глазами и не видит.

Петя хочет бежать ей навстречу, но ноги его не слушаются.

— Мама, — шепчет он. — Мама...

А мама зовет его:

— Ну иди же ко мне! Иди скорее! Первоклашка ты мой...

И сама бежит навстречу Пете.

— Да? — У Пети дух захватывает от восторга. — Да?

— Да, да! — смеется мама. — Да, да, да!

Петя заливается румянцем, несколько раз подпрыгивает и орёт на весь сад:

— Ура!

— Ур-ра! — доносится из соседнего сада. Над забором появляются щеки помидорового цвета и блестящие глаза Вовки.

— И тебя тоже? — кричит ему Петя и бежит к забору.

— Приняли! — кричит Вовка и тут же на глазах у изумленных мамы и Пети совершает великолепнейший прыжок: с самого верха забора прямо к ним в сад.

ПЕРВЫЙ ПЕНАЛ

Когда был съеден завтрак и одна за другой три сливочных тянучки, Петя с озабоченным видом взглянул на маму:

— А ведь у меня нет пенала!

— Разве у тебя есть учебники? — спросила мама.

— Нет, — ответил Петя. — И учебников у меня тоже нет.

— А портфель у тебя есть?

— И портфеля нет.

— Так чего же ты беспокоишься о пенале! У тебя ещё ничего нет...

— Ах, мама! — обиженно воскликнул Петя. — Вот ты и не понимаешь. Пенал — это самое главное. Самое-самое главное.

— Неужели? — удивилась мама. — Чего не знала, того не знала!

После завтрака она уехала зачем-то в город. Заводской поселок, где они жили, находился в нескольких километрах от города: туда нужно было добираться на автобусе.

А Петя, не теряя ни одной минуты, вытряхнул из копилки все свои сбережения. Денег оказалось порядочно: полный кулак.

Положив монеты в карман, он помчался в книжный киоск, который находился за углом.

— Мне нужен пенал... только очень хороший! — сказал Петя, обращаясь к продавщице. — С сегодняшнего дня я уже первоклассник...

— Выбирай! — проговорила продавщица и выложила на прилавок не меньше десятка пеналов.

Никогда Петя не мог себе представить, какое это наслаждение выбирать пенал!

Во-первых, необходимо было, чтобы хорошо открывалась крышка. Пожалуй, это и было самым главным.

Затем стенки. Стенкам полагалось быть гладко отполированными, без малейшей шероховатости, и блестеть как стекло.

Наконец, внутри требовалось четыре отделения. Именно четыре, не больше и не меньше: для карандаша, для ручки, для резинки и для перьев.

Петя осматривал пенал за пеналом. Исследовал их с необычайной тщательностью. Выдвигал и задвигал у каждого крышку. Проводил пальцами и ладонью по их лакированным стенкам. Заглядывал внутрь. Нюхал. Щупал. И даже один лизнул: каков на вкус?

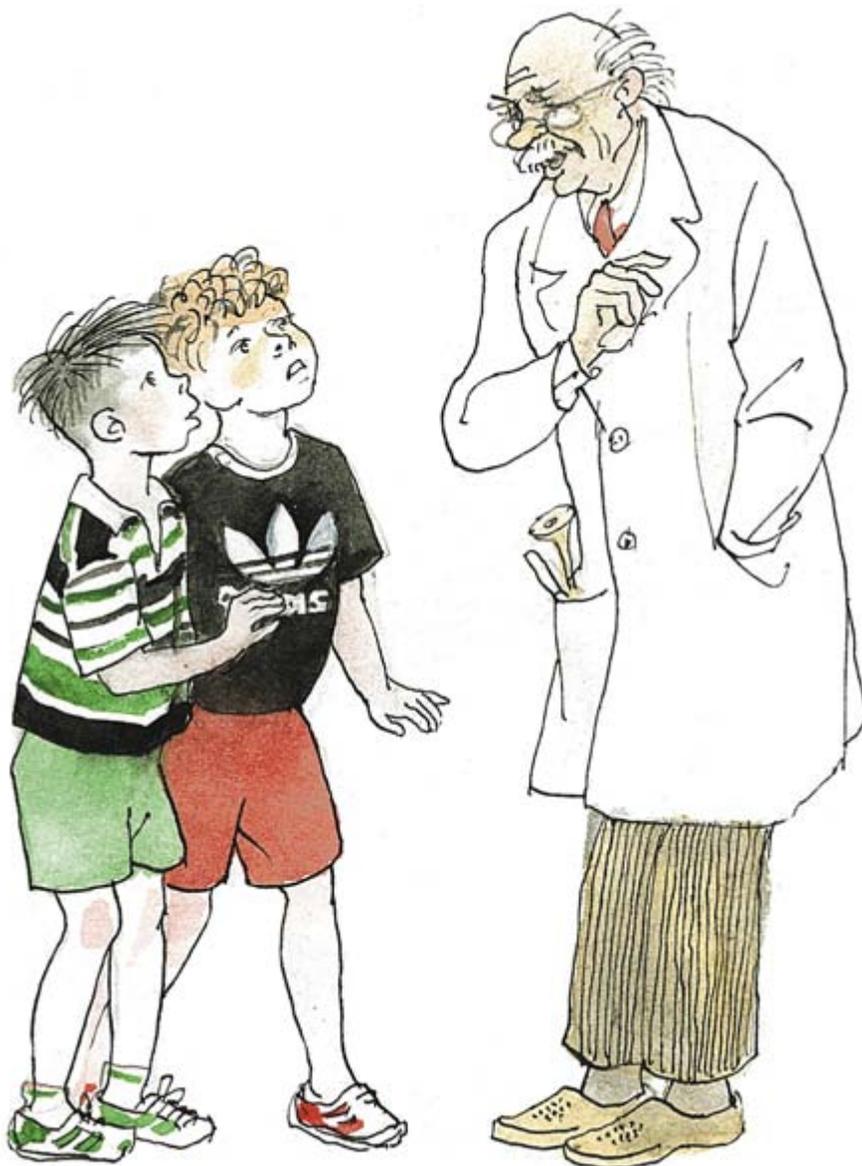
Он перебрал те, что лежали на прилавке. И всё же не мог решить, который из них самый лучший, достойный отправиться вместе с ним в школу.

— Ну? — потеряв наконец терпение, спросила продавщица. — Скоро ты?

— Еще не выбрал, — озабоченно сказал Петя. — Всё не найду...

— Вот, право, какой! Ищешь, ищешь... Этот возьми! Чем плох? — И она протянула Пете пенал, который на первый взгляд ничем особенным от остальных не отличался.

Но когда Петя взял его в руки и хорошенько рассмотрел, пенал оказался выдающимся. Он был такой жёлтенький! Крышка у него выдвигалась как надо,

не туго и не слишком легко. Внутри пахло смолой и лесом. А на стенке темнел коричневый отполированный сучок, вроде родимого пятнышка.

Петя немедленно купил именно этот пенал. Затем карандаш, ручка, шершавая резинка для чернил и пяток перьев «Пионер» туго заполнили четыре отделения пенала.

Домой он возвращался настоящим первоклассником — теперь в этом не могло быть сомнения!

До обеда Петя с величайшим старанием приводил в порядок своё новое школьное хозяйство. Он протёр пенал изнутри и снаружи тряпкой. Потом смахнул пыль с карандаша, с ручки, с резинки и с каждого перышка в отдельности. И наконец всё это удобно разложил в пенале.

А к обеду из города вернулась мама.

Она влетела в дом немного усталая, но весёлая, оживленная и вся в покупках.

— Ну, Петя, — воскликнула она, — ты обрадуешься! Посмотри, что я тебе привезла. Разве не прелесть?

И с гордым видом она развернула и положила на стол пенал — весь пестренький, с белой хаткой и подсолнечником на крышке. И, конечно, карандаш, ручку, резинку и с десяток перьев «Пионер».

— Ой! — испуганно вскричал Петя. — Ведь это уже второй...

Но тут же, чтобы не огорчать маму, деликатно прибавил:

— Ничего, ничего... управлюсь и с двумя!

Когда папа пришел в обеденный перерыв, мама и Петя тут же сообщили ему новость.

— Уже была в школе! — проговорила мама.

— Да, — гордо сказал Петя, — уже первоклассник. Ловко?

— Ловко! — сказал папа. — Жаль, я не купил сладенького по такому случаю.

— Всё есть! — воскликнула мама.

— Всё! — воскликнул и Петя. — Пастила, печенье и... угадай даже что? Ореховая халва. Ловко?

— Ловко! — сказал папа и подошел к письменному столу. — Получай! — Добавил он и торжественно вытащил из ящичка какой-то продолговатый сверток. — В Москве купил, когда ездил в командировку.

— Прямо в Москве? — вне себя от восторга взвизгнул Петя. — На какой улице?

Он нетерпеливо распутал бечёвку, развернул бумагу и...

Да, это был пенал! Превосходный коричневый пенал. А к нему карандаш, резинка, ручка и целая коробка перьев «Пионер».

— Ловко? — спросил папа.

— Большое спасибо, — упавшим голосом прошептал Петя и жалобно прибавил: — Это третий...

Петя был мальчик аккуратный и во всём любил ясность.

Он знал: у человека, когда тот идёт в школу, обязательно должен быть пенал... Но один, а не три! А если всё же их оказалось три?

Несколько дней его мучило, как быть с тремя пеналами. Нельзя же нести в школу все три сразу? А если один, то какой?

Мамин, конечно, самый хорошенький. Если зажмурить левый глаз, а правый прищурить, хатка на пенале совсем как настоящая.

Зато папин — из Москвы. И, кроме того, такой солидный, вместительный. Настоящий мужской пенал.

Но разве тот, который он сам купил, плох? А как славно пахнет ёлочками!

Петя по очереди вынимал каждый пенал отдельно и все три вместе. Рассматривал их со всех сторон и снова клал на место. Нет, он не в силах был решить! Ну просто никак не мог...

Даже новый портфель с отличным блестящим замком не доставил ему настоящего удовольствия. Да уж какое тут удовольствие, когда каждый день при-

ходится то класть, то вынимать из него какой-нибудь пенал! Уложишь мамин и думаешь: может, лучше папин взять в школу? Положишь папин — а не лучше ли жёлтенький? Уложишь жёлтенький — и тотчас вспомнишь о маминном.

И опять все сначала.

Папа у Пети был очень умный, удивительно умный. Мало того, что он каждый день испытывал у себя в цехе разные машины, можно было, например, снять дома телефонную трубку и сказать: «Соедините меня, пожалуйста, с инженером Николаевым». И соединяли сразу, безо всяких. Мама много раз так делала. Петя это слышал собственными ушами.

И мамой Петя очень гордился. Мама у Пети была доктором. И не просто доктором, а глазным доктором. Она не только умела лечить всякие глазные болезни, но, если кому нужно, подбирала подходящие очки. В поликлинике, на стене её кабинета, висела таблица с разными буквами. Верхний ряд состоял из одних огромных. В следующем ряду находились буквы помельче. Потом ещё мельче. И так из ряда в ряд, а в самом низу были такими, что издали почти невозможно было различить, где «а», где «б», а где твёрдый знак.

И бабушка у Пети была отличная. Раньше, пока Петя был маленький, она жила вместе с ними. Но теперь он стал вполне взрослым, и бабушка уехала от них в Москву. Но всё равно и в Москве она Петю не забывала, то и дело посылала ему посылки с интересными игрушками и вкусными московскими конфетами.

И вот, за два дня до первого сентября, то есть за два дня до начала школьных занятий, от бабушки пришла посылка. Эту посылку почтальон принёс прямо к ним домой!

— Тебе, — сказала мама, расписываясь на переводе.

Петя схватил посылку, прижал к животу и потащил на стол распаковывать.

Было совершенно ясно: эта посылка с подарками в честь его поступления в школу.

Но что, что могло в ней быть?

От нетерпения Петя никак не мог развязать бечёвку. Но все-таки ножницами её резать не стал, а развязал (мало ли, а вдруг на что-нибудь пригодится!), и даже сургучные наплёпки ему удалось скovyрнуть неповреждёнными. Когда снятая парусина, будто кожа, легла на стол, посылка рассыпалась на целую массу больших, маленьких и средних свертков.

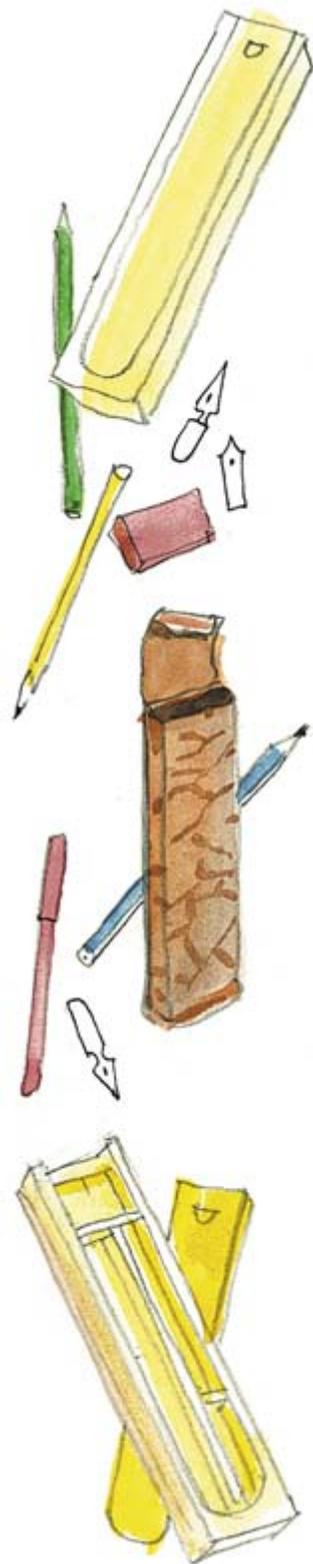
— Ох, что тут? — не сказал, а простонал Петя. Мама тоже не сводила глаз с посылки — до того ей самой было интересно, что там. Она сказала:

— Вот бабушкино письмо. Читай скорей. Из письма мы все узнаем...

Конечно, в тысячу раз быстрее было бы всё развернуть. Но сейчас Пете не хотелось спорить. Он протянул маме письмо.

— Ты прочти... — прошептал он, ну прямо изнемогая от нетерпения.

— «Мой дорогой внучек Петенька! — писала бабушка из Москвы. Поздравляю тебя с поступлением в школу. Теперь ты у нас уже совсем большой мальчик. Учись прилежно, расти здоровенький, веселенький на радость всем нам. Посылаю тебе московских конфет и ещё одну вещь, которой ты очень обрадуешься. Я хранила его для тебя. С ним твоя мама ходила в школу. Этот кожаный пенал...»

— Пенал?! — с ужасом крикнул Петя. — Ещё пенал?!
Мама тоже расстроилась и перестала читать письмо...
Теперь их было четыре!
Ночью Петю мучили странные сны. Ему снились сплошные пеналы.
Сначала пеналы просто гуляли по саду и лазали по деревьям. А потом принялись играть друг с другом в футбол.
Это было уже чересчур!..
Утром Петя принял твёрдое решение: он взял тот пенал, который купил себе сам, и понёс его в книжный киоск.
— Пожалуйста, — сказал он продавщице, — возьмите его обратно. Их у меня слишком много...
Голос у него был печальным.
— Что ж, давай, — согласилась та. — А он у тебя чистый?
— Очень чистый! — ответил Петя и тяжело вздохнул: жалко было расставаться.
Однако домой он возвращался вприпрыжку. Три — не четыре. Всё-таки легче жить на свете!
У калитки его ждал Вовка. Они давно не виделись. Петя был рад остановиться и поболтать.
— Значит, завтра? — сказал он и многозначительно подмигнул приятелю, но тот мрачно молчал и глядел куда-то вбок.
Петя удивился: неужто Вовке уже расхотелось в школу? Так быстро?
Вид у Вовки был подавленный. Он даже как будто согнулся и ростом стал ниже. Проговорил, стараясь не встретиться с Петей глазами:
— Сначала съел молочное с вафлей. За девять копеек. Потом эскимо на палочке за одиннадцать. Потом захотел стаканчик фруктового...

Ну, теперь-то для Пети всё яснее ясно! Болит живот, и придется принять касторку. Велика беда! Если хорошенько зажать нос...

Но Вовка лишь рукой махнул. Какая там касторка! Касторку он бы с удовольствием...

— Мать дала сорок копеек... Купи, говорит, чего нужно для школы, а если останутся деньги, можешь стратить на мороженое. А я сначала захотел мороженого. Теперь у меня ручка есть, карандаш есть, а пенала... — И Вовка громко заревел. — Пенала у меня не-ет...

Петя был потрясен. Он не верил собственным ушам:

— У тебя нет пенала? Ни одного?

— Ни одного! — прорыдал Вовка.

— Стой здесь! Прямо на этом месте! — приказал Петя. Сбегать домой было делом одной минуты. Вовка ещё не успел осушить слёз, а уж Петя вернулся.

— Возьми! — Он протянул Вовке коричневый папин пенал и весело сказал: — Теперь осталось два!

В благодарность он получил от Вовки целую горсть колёсиков от старых часов и счастливый побежал домой. Что там говорить — лучшего и не придумаешь! И мама встретила его весело:

— Петя, насчет пеналов можешь не беспокоиться. Я всё устроила: кожаный взял себе папа — ему будет очень удобно носить на работу карандаши. А тот пёстрый с подсолнечником... Петя, что с тобой?

По мере того как мама говорила, лицо у Пети бледнело и вытягивалось.

— Теперь ни одного! — воскликнул он, всплеснув руками, и выскочил на улицу.

— Вы ещё не продали мой пенал? — подбегая к книжному киоску, спросил Петя у продавщицы.

— Нет, а что? — удивилась продавщица.

— Вот деньги... Дайте мне, пожалуйста, скорее.

Петя схватил протянутый ему пенал, осмотрел его со всех сторон. Да, это он! Тот самый... Вот и сучок, похожий на родинку. И пахнет ёлочками. И крышка? Да, и крышка выдвигается как надо... Громко щёлкнув, Петя закрыл крышку своего первого пенала.

Зинаида СЕРЕБРЯКОВА

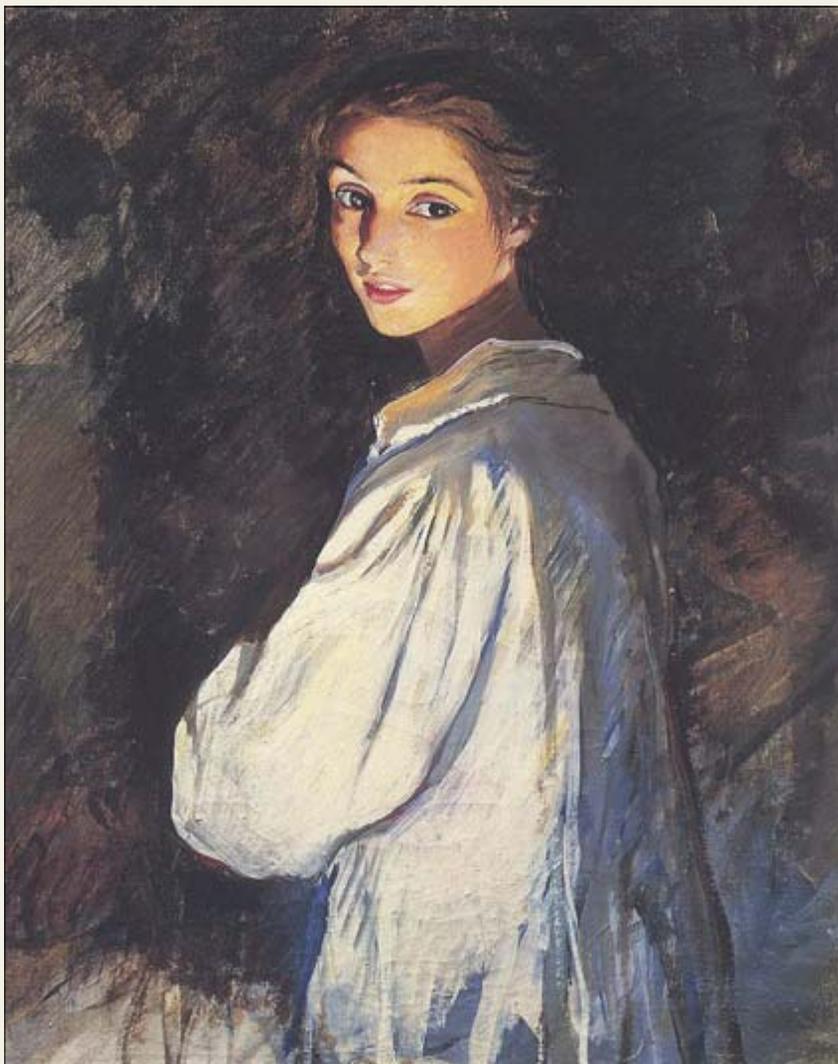
Серебрякова Зинаида Евгеньевна (1884–1967) — талантливая русская художница, мастер живописи и графики. Ее произведения составляют золотой фонд русского искусства.

Зинаида родилась 28 ноября 1884 года в родовом имении «Нескучное», под Харьковом. Ее отец Евгений Александрович Лансере был известным скульптором, а мать Екатерина Николаевна принадлежала к славному роду Бенуа, представители которого оставили заметный след в истории российской и мировой культуры.

Её братья были не менее талантливы, младший был архитектором, а старший мастером монументальной живописи и графики. Творческая атмосфера, царившая в доме Бенуа, оказала огромное влияние на художественное воспитание Зинаиды Евгеньевны.

После окончания Коломенской женской гимназии (1901) Серебрякова непродолжительное время занималась в частной школе княгини Тенишевой, где преподавал известный художник Илья Ефимович Репин, затем (1903–1905) обучалась у живописца О. Э. Браза.

В 1905 она выходит замуж за Бориса Анатольевича Серебрякова — своего двоюродного брата. После свадьбы молодые отправились в Париж. Здесь Зинаида посещает Академию де ля Гранд Шамьер, много работает, рисует с натуры, знакомится с луч-

Девушка со свечой. Автопортрет. 1911 г.

шими образцами европейской живописи.

Через год молодые возвращаются домой. Этот период жизни был самым счастливым для Зинаиды Евгеньевны. В «Нескучном» родились дети Евгений, Александр, Татьяна, Екатерина. Однако, несмотря на семейные хлопоты, Серебрякова продолжала рисовать. Она пишет пейзажи окрестностей, портреты своих близких, жанровые картины, отражающие сцены крестьянской жизни.

В 1910 году Зинаиду Серебрякову ждёт настоящий успех. Свидетельством её высокого художественного мастерства стало приобретение Третьяковской галереей трёх полотен, среди которых была картина «За Туалетом. Автопортрет» (1909).

В 1911 году Зинаида Серебрякова входит во вновь воссозданное объединение «Мир искусства», одним из основателей которого был её дядя, Александр Николаевич, но отличается от остальных чле-

нов группы любовью к простым сюжетам, гармонией, пластичностью и обобщениями в своих полотнах.

Расцвет в творчестве художницы происходит в 1914–1917 годах. Зинаида Серебрякова создала серию картин, посвящённых русской деревне, крестьянскому труду и милой её сердцу русской природе — «Крестьяне», «Спящая крестьянка». Наиболее важной из этих работ стала «Беление холста» (1917, Государственная Третьяковская галерея). Фигуры крестьянок, запечатлённые на фоне неба, приобретают монументальность, подчеркнутую низкой линией горизонта.

Когда в 1916 году А. Н. Бенуа была поручена роспись Казанского вокзала в Москве, он привлек к работе и Зинаиду. Художница заня-

Жатва. 1915 г.

лась темой стран Востока: Индия, Япония, Турция и Сиам. Она аллегорически представила эти страны в виде прекрасных женщин. Од-

новременно она начала работу над композициями на темы античных мифов.

Особую роль в творчестве Зинаиды Серебряковой зани-

За завтраком. 1914 г.

Крестьяне. 1915 г.

Балетная уборная. Снежинки. 1923 г.

На кухне. Портрет Кати. 1923 г.

мают автопортреты, в них наивное кокетство девушки сменяется то выражением чувства материнской радости, то нежной поэтической грустью.

Революционные события 1917 года оказали катастрофическое влияние на дальнейшую судьбу Зинаиды Евгеньевны и её семьи. В 1919 умирает от тифа муж Борис. Она остаётся с четырьмя детьми и больной матерью без средств к существованию. Усадьба в «Нескучном» сожжена и разграблена. Нет масляных красок — приходится перейти на уголь и карандаш. В это время она рисует свое самое трагическое произведение — «Карточный Домик», показывающее четверых осиротевших детей.

Серебрякова вынуждена вместе с детьми переехать в Харьков, там она находит работу в Харьковском археологическом музее, где выполняет карандашные наброски экспонатов. Благодаря хлопотам родственников, зимой 1920 года её семья перебирается в Петербургский дом Бенуа.

Жизнь стала налаживаться. Художница снова обращается к живописи, пишет портреты детей, близких, автопортреты. После поступления дочери Татьяны в хореографическое училище, в творчестве Серебряковой появляются театральные мотивы. Зинаида вместе с дочерью часто посещают Мариинский театр, бывают и за кулисами. Зинаида Евгеньевна пишет изумительную серию портретов и композиций, посвящённых артистам балета (портрет Д. Баланчина в костюме Вакха (1922), «Снежинки» (1923), «Балетная уборная» (1924) и др.).

Однако последствия революции и гражданской войны тяжелейшим образом сказывались на экономическом состоянии страны. Семья Зинаиды Евгеньевны испытывала серьёзные материальные затруднения. Поэтому Серебрякова решила краткосрочно выехать во

Окно. 1910 г.

Карточный домик. 1919 г.

Беление холста. 1917 г.

Францию (1924 год), где уже находился её дядя А. Н. Бенуа, предложивший художнице помощь в организации личной выставки-продажи картин. Однако обстоятельства сложились таким образом, что художница больше не вернулась на родину. Спустя два года к ней присоединились дети Александр и Екатерина. Дочь Татьяна, сын Евгений по политическим причинам остались в России. Только в 1960-х годах Сере-

брякова сумела встретиться с ними во Франции.

За границей достаточно быстро оценили художественное дарование Серебряковой. В Париже она получила известность как мастер портретной живописи. Этот период творчества художницы, как и более ранние, отмечен интересом к натуре. Портретные работы на заказ и для себя, многочисленные наброски, фиксирующие уличные сценки, быстрые

летние зарисовки природы — и всегда точная передача реального ощущения, уверенная, твердая манера.

Однако, годы, проведённые в Париже, не принесли ей радости и творческого удовлетворения. Она тосковала по родине, стремилась отразить свою любовь к ней в своих картинах.

Зинаида много путешествует. В 1928 и 1930 едет в Африку, посещает Марокко. Природа Африки поражает её, она рисует Атласские горы, арабских женщин, африканцев в ярких тюрбанах. Серия марокканских работ — свидетельство мастерства Серебряковой — портретиста и пейзажиста.

Среди произведений, созданных по материалам поездок, особенно выделяются портреты крестьян и рыбаков Бретани.

В пейзажах и портретах последнего периода прежде всего ощущается личность художницы, её влюбленность в прекрасное, будь то природа или человек. И всё же было утрачено нечто самое главное — связь с близким и родным.

На Родине творчество Зинаиды Серебряковой очень долго оставалось незамеченным. Только в 1965–1966 годах была устроена ретроспективная персональная выставка художницы, прошедшая с огромным успехом в Москве, Ленинграде и Киеве. Внезапно она становится популярной в России, её альбомы печатаются миллионными тиражами, а картины сравнивают с Боттичелли и Ренуаром.

Серебрякова Зинаида Евгеньевна скончалась 19 сентября 1967 года в Париже в возрасте 82 лет. Художница похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Англия. 1953 г.

Сергей Иванов

Божия страна

Мыс Фиолент

У полуострова Крым — долгая и богатая история. Даже если не брать во внимание неандертальцев и прочих троглодитов, а принимать в расчёт только документированную историю, и то получится больше двух с половиной тысяч лет. Крымские берега видели корабли древних греков, суда римлян, ладьи викингов и славян, турецкие парусники и русские броненосцы. По крымским дорогам катились колеса скифских колесниц, повозки готы, кибитки хазар, татар, сарматов. Здесь маршировали римские легионеры и гитлеровские солдаты, строили крепости генуэзцы, турки и русские.

Крымская земля не сохранила следов всех её гостей и хозяев. Да и не везде ещё успели поработать археологи. Но известных данных достаточно, чтобы убедиться в древности почти каждого населенного пункта Крыма. Все они имеют свою историю, которая тянется в дохристианские времена.

Больше всего древностей сосредоточилось в южном Крыму, а особенно много их вокруг города-героя Севастополя.

Одно из таких мест — может быть, самое удивительное — это мыс Фиолент, расположенный на побережье Чёрного моря между Севастополем и Балаклавой. По мнению многих исследователей, именно здесь, на Фиоленте, находилось святилище древних тавров, в котором служила жрицей Ифигения.

Кто же не знает Ифигению и тем более древних тавров? Но на всякий случай, если вы вдруг забыли, я коротко напомню о них.

Сначала о таврах, потому что именно они и дали название Крымскому полуострову. Вся эта местность называлась в древности Тавридой. В XVIII веке русская императрица Екатерина Вторая, которую называют «Великой», вспомнила это название и объявила отнятые у Турции земли Таврической губернией. В честь Крыма получил прибавку к фамилии и вельможа граф Потёмкин — он стал Потёмкиным-Таврическим после того, как удачно провёл операцию по присоединению Крыма.

Но вряд ли Екатерина Великая знала, что означает слово «тавры», ведь даже сейчас мнения учёных на этот счёт расходятся. Некоторые утверждают, что слово «тавр» переводится как «бык», а «Таврида» — это просто «страна быков». Действительно, в некоторых языках быки именуются этим словом, но так ли было в древности? Известно. И как быть тогда с греческим словом «кентавр»? «Кен» значит «конь», о чем легко догадаться по созвучию. Но если «тавр» — это «бык», то кентавры должны были выглядеть совсем иначе, чем их рисуют на картинках. Но мы знаем, что кентавры — вовсе не смесь коня и быка, а фантастическое соединение человека и коня. А поскольку слово «человек» по-гречески звучит по-другому, остается предположить,

что голова кентавра не просто человеческая — это голова тавра, жителя Древнего Крыма. Так родилось предположение, что сказочные кентавры жили в Тавриде.

Из греческих мифов и литературы известно, что кентавры отличались не только большой физической силой, но и мудростью. Они воспитали многих мифических героев. Из этого литературного факта некоторые делают вывод, будто родиной древнегреческой цивилизации был Крым, где первобытные греки приобрели познания в астрономии и других науках, а также получили религиозную традицию. Но, хотя имена некоторых греческих богов действительно не переводимы на греческий и, значит, откуда-то были позаимствованы, нет никаких прямых доказательств того, что культ Афины или Аполлона впервые зародился именно в Крыму. Зато можно смело утверждать — древние греки (по крайней мере некоторые) поклонялись некоей загадочной таврической богине.

Имя этой богини не сохранилось. А может быть, его и не было? Тавры и греки называли её «Дева». Известно, что у греков тоже была богиня-дева — богиня охоты Артемида. Иногда крымскую богиню называют Артемидой Таврической. Но чаще про-

сто «Девой». Значит, это было какое-то иное божество.

О культуре Девы известно немного. А точнее, ничего, кроме одного факта — в жертву этой богине приносили пленных чужеземцев, которых сбрасывали с крутого утёса в Чёрное море. Причём в плен захватывали в основном — или даже исключительно — греков, проплывавших мимо берегов Тавриды.

Однажды жрицей страшной богини стала греческая девушка, которой предстояло приносить в жертву сородичей. Звали эту девушку Ифигенией.

История, описанная многими писателями (одним из первых был драматург Еврипид), выглядит в общих чертах так. Царь Агамемнон никак не мог вывести свой флот для войны с Троей из гавани. Движению кораблей мешала богиня Артемида — она разгневалась на царя за какую-то провинность. Тогда царю посоветовали принести богине жертву — то есть убить его собственную дочь, деву Ифигению. И он согласился.

Но, когда девушку привели к жертвенному алтарю, Артемида смилостивилась над ней и перенесла в далекую Тавриду, а вместо Ифигении оставила на жертвеннике лань.

Балаклава. Бухта

Георгиевский монастырь

В Тавриде Артемида сделала Ифигению своей жрицей и поселила в храме Артемиды Таврической (или «богини Девы»). Там девушка жила многие годы и приносила человеческие жертвы — но однажды среди пленников, обречённых на смерть, обнаружила своего брата Ореста. Она спасла от смерти брата и его спутника Пилада, украла деревянную статую богини-Девы и сбежала вместе с Орестом и Пиладом обратно в Грецию.

Это лишь одна из версий сюжета. Существуют и другие, не похожие на нее. Пред-

полагается, что сначала, в самых древних версиях мифа, Ифигения и была самой Артемидой. А историк Геродот писал, что Ифигения почитается таврами как богиня.

Более точно изложить биографию исторической Ифигении (если такая девушка когда-то существовала) вряд ли когда-нибудь удастся. Зато место, на котором стоял храм Артемиды Таврической, нам известно.

Точнее, показывают несколько мест, где стоял храм Девы. Все они находятся в Кры-

Крепость Чембало

Яшмовый пляж. Мыс Лермонтова

му. Одно из этих мест — на территории древнего города Херсонес, в Севастополе. Там будто бы находился некий «колодец Девы».

Другое — на мысе Фиолент.

Мыс Фиолент и Яшмовая бухта возле него — одно из самых красивых мест на крымском берегу. Местные жители говорят, что такой красоты нет нигде в мире. Разве что на Сейшельских островах.

И в самом деле, если не знать, какие кровавые события происходили здесь в древности, эти места могут показаться земным раем. Плавный изгиб берега, высокие обрывы, с которых когда-то скатились две скалы (их назвали «Орест» и «Пилад»), «яшмовый пляж» с крупной галькой, где действительно можно найти отшлифованные морем камушки яшмы, сердолика, халцедона. Пейзаж, правда, портит мусор, который скапливается на пляже в результате отдыха многочисленных туристов и местных жителей. Но если стоять наверху, мусора не видно. Главное, самим не мусорить.

А самый лучший вид на Фиолент открывается с территории древнего Георгиевского монастыря. Именно этот монастырь сейчас, как и многие века назад — духовный центр округи.

История его появления уходит корнями в первые века христианства. Однажды какие-то православные моряки в шторм терпели крушение. Они обратились с молитвой к святому Георгию, чтобы он спас их от смерти. Святой услышал их молитвы. Они увидели его на высокой круглой скале, лежащей в море недалеко от Фиолента. Шторм

тут же стих. А моряки выбрались на берег в том месте, где вскоре появился монастырь.

Крымские монастыри в древности не были похожи на привычные нам сооружения. В мягком песчанике и в слоях глины монахи выкапывали пещеры, в которых они жили и молились Богу. И лишь гораздо позже рядом с ними появились наземные постройки, колокольни и наружные кельи.

Таким был и монастырь святого Георгия. Таким он остаётся и сейчас. В нем есть и пещерный храм, и наземная церковь святого Георгия. Она построена недавно, и повторяет старую, дореволюционную церковь.

Этот храм стоит прямо над обрывом. Сквозь колонны его портика видно море — ярко-голубое в погожие дни или суровое, серое, штормовое. В шторм огромные волны плещутся внизу, но не могут дотянуться до храма, до которого им так же далеко, как до неба. Вниз, к яшмовому пляжу, ведет лестница длиной в восемьсот ступеней. Очень долго приходится спускаться вниз. Но ещё труднее — подниматься. И всё-таки только сверху, из монастыря, можно насладиться пейзажем мыса Фиолент во всей красе.

Крымские татары называли это место «Фиолент бурун», что значит, по одному переводу, «тигровый мыс», а по другому — место для спуска судов. Перед крымчаками побережьем Крыма владели генуэзцы. На их языке это слово звучит как «виоленте» и переводится как «неистовый». Но на первых русских картах Крыма никакого «Фиолента» не было — мыс назывался «Феолент». Скорее всего, именно это написание является верным. Ведь тогда в Георгиевском монастыре жили греческие монахи, которые прекрасно знали, как называется здешняя местность. И сейчас монахи уверены, что живут в «Феоленте», то есть «Божией земле»: «фео» или «тео» значит «Бог», «лент» — «земля». Возможно, так называли мыс средневековые завоеватели Крыма — готы, которые были христианами.

Это имя дано было мысу не случайно — ведь эти берега видели не только явление святого Георгия, но и проповедь апостола Андрея Первозванного. Знаменитая гора Ай-Петри, расположенная восточнее, названа в честь другого апостола, брата Андрея — Петра. К западу от Фиолента лежит древний Херсонес, где был крещён русский князь Владимир с дружиной. А в ещё более древние времена здесь служила страшным таврическим богам героиня мифов Ифигения...

Два рассказа

об отце

Владимир Волков

Художник В. Юдин

Тёплые яблоки

В подвале нашего дома было овощехранилище. И когда приезжали машины, мы были тут как тут.

Ещё шла война, мы все жили впроголодь, и раздобыть пару-другую морковин или свёклы, или там картошки для нас было большой удачей. На этот случай мы специально заготовили крючки из толстой проволоки. Мы подбирались к машине, подпрыгивали и опускали крючок за борт. Нас, конечно, гоняли, случалось, и ловили и уши драли, но всё равно машина с овощами, как магнит, притягивала к себе.

А однажды грузили яблоки. Это был редкий случай. Я появился во дворе, когда ребята уже грызли небольшие красные яблочки. Машина вот-вот должна была уехать, и я понял, что должен действовать немедленно. Сбежал за своим крючком — и бочком-бочком к машине. Раз! — и крючок за борт. И в этот момент меня кто-то схватил за плечо.

— Так, попался, — услышал я спокойный мужской голос.

Это был шофёр. Мы его хорошо знали — он часто приезжал в наш двор. Ходил он в гимнастёрке и был хромым — его демобилизовали из армии по ранению. Убежать от него ничего не стоило, а я вот так глупо влип.

Я был водворен в кабину. Пытаясь, вырваться я отчаянно задёргал ручку дверцы.

— Но-но, не балуй! — не поворачивая головы, сказал шофёр. — У вас какое отделение милиции? Третье? Вот туда и поедем. — И мы выехали на улицу.

— Тебя к отцу надо было бы отвести, чтобы он выпорол как следует. Но отец-то на фронте? — Я кивнул. — Так, а мать на работе? Ну, вот видишь — стало быть, дорога одна — в милицию!

Я сидел молча. Мысль у меня была одна: как машина остановится и шофёр откроет дверцу — рвану что есть силы.

— А ты, я вижу, стреляный воробей... Не канючишь — «дяденька отпусти, я больше не буду».

Я с ужасом смотрел вперед. Еще один поворот и там — милиция.

— Отец-то пишет? — Неожиданно спросил шофёр.

Писем давно не было. И мамка часто плакала. Я так и ответил.

— Последнее-то когда получили?

— В июне, — выдавил я, опустив голову.

— Но-но, ты нос-то не вешай! — Шофёр, помолчав, вдруг быстро заговорил. — Ты что радио не слушаешь — наступаем ведь на всех фронтах. Вот случится передышка, и получите письмо. И мамке своей так объясни — мол, наступление идёт... Понял?

Тут шофёр остановил машину, открыл дверцу и встал на подножку. Это был как раз тот момент, который я ждал. Я прошмыгнул мимо него и что есть духу рванул по улице.

— Да погоди ты! Постой! — услышал я за спиной. И только оказавшись на

приличном расстоянии от машины, я остановился и оглянулся.

Припадая на раненую ногу, по улице бежал шофёр. В вытянутых руках он держал пилотку. В ней были яблоки.

— Ну и дурак же ты, братец, — шофёр тяжело дышал. — Совсем меня загнал.

С этими словами он подошел ко мне, оттянул на груди рубашку, высыпал туда все яблоки, улыбнулся и дал подзатыльник.

Машина уехала, а я все стоял посреди улицы. Яблоки холодили мне живот. Потом они стали теплыми.

Этот шофёр, раненый солдат, оказался прав. Только мы не письмо получили, а сам папка приехал! Хотя война ещё не кончилась.

Вот как это случилось...

Солнечный день

Вышел на кухню умываться. Вся кухня была в клубах папиросного дыма. Он по-живому шевелился в солнечных лучах. У открытой форточки стоял незнакомый дядька в белой нательной рубаше и галифе. Увидев меня, он нахмурился и строго спросил: «А почему вы, молодой человек, не здороваетесь?» Я стоял, жмурясь от солнца и силясь понять, как на нашей кухне оказался этот человек и кто он такой. А дядька вдруг шагнул ко мне, и я взлетел! Щека у дядьки была колючей, я пытался отвернуться и соскользнуть вниз. Но тут увидел в углу, у нашего стола, маму, которая, глядя на нас, — не поймешь — то ли смеялась, то ли плакала. Рядом на табуретках сидели наши соседи — дедушка и бабушка Лапшины с одинаковыми улыбками.

— Да, Александрыч, здорово тебя война подсушила — не узнает тебя родной сыночек, — сказал Иван Никифорович.

— Так и я его не узнаю — ишь какой сердитый!

— Вовка, это же папка твой, — услышал я маму. И я, наконец, узнал его, своего папку!

Мы все смотрели на отца. Простое дело — бритье — завораживало нас. Вот

он взбил кисточкой пену, приблизился к зеркалу над раковиной, стал водить бритвой по щеке...

— Сколько раз мечтал об этом, — говорил отец, отставив бритву в сторону, — как буду бриться на нашей кухне. И вот, надо же, бреюсь! А ещё, Вовка, знаешь, о чём я мечтал? Как мы с тобой в кино пойдём! — Отец снова прильнул к зеркалу, но вдруг отошёл от раковины. — А что? — весело воскликнул он, глядя на меня. — И пойдём! Вот красоту наведём, перекусим и — айда в «Авангард».

Когда мы вышли во двор, нас тут же окружили ребята. Они разглядывали моего отца, его ордена и медали. Меня распирало от гордости. Я важно сказал: «Мы идём в кино!» И посмотрел на отца, чтоб он подтвердил. Чтоб все знали — мы идём в кино! Но отец молчал. Я смотрел на него, а он смотрел на ребят.

— А что, орлы? Может, мы это... все в кино махнём, а? — неожиданно сказал отец.

Такого никто не ожидал. А отец расправил, выпятив грудь, гимнастёрку и совсем другим голосом громко scomандовал: «В две шеренги становись!» — и вытянул в сторону руку.

Никаких шеренг, конечно, не получилось. Радостной гурьбой мы вышли на Мытную.

Ярко светило солнце. Мы шли вдоль длинного забора морозовской больницы. Ребята шли быстро. Особо нетерпеливые даже забегали вперед. А я... Я удерживал отца за руку, чтобы он шёл медленнее. Мне хотелось, чтобы это шествие в кино никогда не кончалось. Чтобы никогда не кончались эти три дня, на которые отец был отпущен с фронта. Чтобы никогда не кончался этот забор. Чтобы никогда не кончалось это блаженство, когда идешь в ногу с отцом, и он тебе сверху улыбается.

О Ашишки

Приходит сын из школы и говорит отцу:

- Папа, я сегодня перевёл старушку через улицу.
- Молодец, сынок! Вот тебе конфетка.

На следующий день приходит сын с товарищем.

- Мы сегодня вдвоем перевели через улицу старушку.
- Молодцы, ребята! Вот вам по конфете.

Через два дня сын привёл целый класс.

- Мы перевели сегодня всем классом старушку через улицу.
- А почему вас так много?
- Да старушка сопротивлялась.

Учительница на уроке спрашивает ученика:

- Скажи, когда умер Юлий Цезарь?
- Умер? Я даже не знал, что он болел.

В школе:

- Кем ты будешь, Петя, когда вырастешь?
- Генералом.
- Так тебя же могут убить в случае войны!
- Кто?
- Неприятели.
- Тогда я буду неприятелем.

Учитель:

- Дети, что вам больше всего понравилось в музее?
- Как Петрова с лестницы свалилась!

Один мальчик написал рассказ: «Неудачная охота». «Пошёл один дядя на охоту. И утонул. А его собака нет. Её застрелили».

И собака ушла, с благодарностью виляя хвостом. Не многие люди могли бы так сделать!

«Мертвые души» отразили жизнь и быт заглохшего человека и как из живых людей могут быть мертвые.

Александр Сергеевич всецело стоит на рельсах Петра I, всегда и всюду поддерживая мнение Петра I по основанию Петербурга.

Умная Тамара

Живёт в нашей квартире один инженер.

Бывают такие учёные инженеры с усами и в очках.

И вот однажды этот инженер чем-то захворал и уехал на юг лечиться.

Вот он уехал на юг и закрыл свою комнату на замок.

Проходит три дня, и вдруг все жильцы слышат, что в комнате этого инженера жалобно мяукает кошка.

Одна жиличка говорит:

— Этот инженер какой нахал. Он уехал на юг, а в комнате оставил свою кошку. И теперь это бедное животное, наверное, погибнет без еды и без питья.

Тут все жильцы рассердились на инженера. Один жилец говорит:

— У этого инженера дырявая голова. Как это можно оставлять кошек без еды целый месяц. Кошки от этого умирают.

Другой жилец говорит:

— Давайте сломаем дверь.

Тут приходит управдом. Он говорит:

— Нет, дверь нельзя ломать без разрешения инженера.

Один маленький мальчик Николаша говорит:

— Тогда давайте вызовем пожарную часть. Пожарные придут, живо подставят лестницу к окну и спасут кошку.

Управдом говорит:

— Раз нет пожара, то пожарных нельзя вызывать. За это надо штраф платить.

Одна маленькая девочка Тамара говорит:

— Знаете что: давайте кормить эту кошку через дверь. Я сейчас принесу молоко и это молоко подолью под дверь. Кошечка это увидит и покушает.

Тут все жильцы засмеялись и сказали:

— Bravo! Она хорошо придумала.

И все жильцы начали с этого дня кормить кошку через дверь. Кто суп под дверь подливал, кто молоко, кто воду.

Мальчик Николаша даже целую рыбу под дверь подсунул. А потом он нашёл на лестнице дохлую мышку, и эту дохлую мышку он тоже ухитрился под дверь просунуть.

И кошка едой была очень довольна, и она радостно за дверью мурлыкала.

И вот проходит целый месяц, и наконец приезжает инженер.

Одна старенькая жиличка так ему говорит:

— Инженер, вас надо на полгода посадить в тюрьму, потому что нельзя так мучить животных. Надо к людям и к животным хорошо относиться. А вы свою кошечку оставили в комнате без еды и без питья. И она могла умереть, если бы мы не догадались под дверь молоко подливать. Ах, открывайте ско-

рее двери и поглядите, как ваша кошечка чувствует себя. Может быть она больна и лежит с температурой на вашей кровати.

Инженер говорит:

— Про какую кошку вы говорите? Вы же знаете, что я кошек у себя не держал. И никаких кошек у меня никогда не было. И никого я не мог закрыть в своей комнате.

Жильцы говорят:

— Мы ничего не знаем. Только знаем, что в вашей комнате целый месяц живет кошка.

Вот инженер поскорей открывает дверь, и все жильцы и он сам входят в комнату.

И все видят — на диване лежит хорошенькая рыженькая кошка. Очень на вид здоровенькая и веселенькая и ничуть она, видать, не похудела.

Инженер говорит:

— Ничего не понимаю. Откуда у меня на диване эта рыженькая кошка? Когда я уезжал, её не было.

Мальчик Николаша говорит, поглядывая на окно:

— Там форточка открыта. Наверно, кошка гуляла по карнизу, увидела эту открытую форточку и прыгнула в комнату.

Инженер говорит:

— Но почему же она тогда обратно не ушла?

Девочка Тамара говорит:

— А мы её очень хорошо кормили, вот она и не захотела уйти. Ей тут понравилось.

Инженер говорит:

— Ах, какая хорошенькая умная кошечка! Я тогда её здесь оставлю.

Девочка Тамара говорит:

— Нет, эту кошку я решила взять себе.

Тут все жильцы засмеялись и сказали:

— Да, эта кошка принадлежит Тамаре, поскольку Тамара придумала, как её кормить, и этим спасла её от гибели.

Инженер сказал:

— Правильно. И я, со своей стороны, вдобавок подарю Тамаре десять мандаринов, которые я привез с юга.

И он подарил ей десять мандаринов.

Трусишка Вася

Васин отец был кузнец. Он работал в кузнице. Он там делал подковы, молотки и топорики.

И он каждый день ездил в кузницу на своей лошади. У него была, ничего себе, хорошая чёрная лошадка. Он запрягал её в телегу и ехал. А вечером он возвращался.

А сын его, шестилетний парнишка Вася, был любитель немного покататься.

Отец, например, приезжает домой, слезает с телеги, а Васютка туда моментально влезает и едет до самого леса.

А отец, конечно, ему не позволял это делать.

И лошадь тоже не очень позволяла. И когда Васютка влезал в телегу, лошадь косо на него глядела. И хвостом махала, — дескать, сойди, мальчишка,

с моей телеги. Но Вася стегал лошадь прутом, и тогда ей было немного больно, и она тихонько бежала.

Вот однажды вечером отец вернулся домой. Вася влез в телегу, стегнул лошадку прутом и выехал со двора покататься.

А у него было сегодня боевое настроение — ему хотелось подальше прокатиться.

И вот он едет через лесок и хлещет своего чёрного конька, чтоб он пошибе бежал.

Вдруг, знаете, кто-то как огреет Васю по спине!

Васютка так и подскочил от удивления. Он подумал, что это отец его догнал и хлестнул прутом — зачем без спросу уехал.

Вася оглянулся. Видит — никого нету.

Тогда он снова стегнул лошадь. Но тут, во второй раз, кто-то опять как ахнет его по спине!

Вася снова оглянулся. Нет, смотрит, никого нету. Что за чудеса в решете?

Вася думает:

«Ой, кто же меня по шее бьёт, если никого кругом нет!»

А надо вам сказать, что когда Вася ехал через лес, в колесо попала большая ветка от дерева. Она крепко зацепилась за колесо. И как только колесо обернется, ветка, конечно, хлопает Васю по спине.

А Вася это не видит. Потому что уже темно. И, вдобавок, он немножко испугался. И не захотел по сторонам глядеть.

Вот ветка ударила Васю в третий раз и он ещё больше испугался.

Он думает:

«Ой, может быть, меня лошадь бьёт. Может быть, она как-нибудь мордой схватила прут и тоже меня в свою очередь стегает».

Тут он немного даже отодвинулся от лошади.

Только он отодвинулся, а ветка хлесь Васю уже не по спине, а по затылку.

Вася бросил вожжи и как закричит от страха.

А лошадь, не будь дура, повернула назад и как пустится со всех ног к дому.

А колесо как завертится ещё сильнее. А ветка как начнет хлестать Васю ещё чаще.

Тут, знаете, не только маленький, но и большой может испугаться.

Вот лошадь скачет. А Вася лежит в телеге и орёт со всей силы. А ветка его лупит — то по спине, то по ногам, то по затылку.

Вася кричит:

— Ой, папа! Ой, мама! Меня лошадь бьёт!

Но тут вдруг лошадь подъехала к дому и остановилась во дворе.

А Васютка лежит в телеге и сходить боится. Лежит, знаете, и кушать не хочет.

Вот пришёл отец распрягать лошадь. И тогда Васютка сполз с телеги. И тут он вдруг увидел в колесе ветку, которая его била.

Вася отцепил ветку от колеса и хотел этой веткой ударить лошадь. Но отец сказал:

— Оставь свою глупую привычку бить лошадь. Она умней тебя и сама хорошо понимает, что ей надо делать.

Тогда Вася, почёсывая спину, пошёл домой и лёг спать. А ночью ему приснился сон, будто приходит к нему лошадь и говорит:

— Ну что, трусишка, покатайся?

Утром Вася проснулся и пошёл на речку ловить рыбок.

Плясать под чужую дудку

«Плясать под чужую дудку» — значит подчиняться кому-нибудь, действовать по чьему-либо внушению, следовать чужой воле. Откуда же пошло это выражение?

Две с половиной тысячи лет назад, во время войны с мидянами, персидский царь Кир безуспешно пытался склонить на свою сторону малоазийских греков. Когда же он покорила мидян, греки выразили готовность подчиниться ему. На это он рассказал их послам басню Эзопа «Рыболов и рыбы». Один флейтист, увидевший рыб в море, стал играть на флейте, ожидая, что они выйдут к нему на сушу. Обманувшись в надежде, он взял сеть, закинул её и вытащил множество рыб. Видя, как рыбы бьются в сетях, он сказал им: «Глупые! Перестаньте плясать. Когда я играл на флейте, вы не хотели делать это, а теперь, когда я перестал, вы пляшете».

Плясать под чужую дудку не нравится никому. Но часто мы, сами того не желая, становимся объектом манипуляций.

Предположим, что вы считаете себя человеком, который всегда выручит в трудную минуту. Манипулятор не замедлит этим воспользоваться: «Ну ты же классная, ты же всегда поможешь!» И вместо того чтобы заниматься своими делами, вы броситесь выручать, входите в положение и помогать. Пусть при этом пострадает ваша работа или личная жизнь, зато никто не сможет упрекнуть вас в том, что вы бездушный плохой человек. И всё потому, что чрезмерная потребность выручать и помогать — это просто потребность получать свидетельства любви и признания от окружающего мира, то есть следствие глубоко спрятанной неуверенности в себе.

Сергей Глядков

Достижения цивилизации

(Продолжение. Начало см. в ДРГ № 1–6 за 2015)

Проект космической ракеты
К.Э. Циолковского. 1915 год

Освоение космоса

Итогом всей истории развития человечества было то, что его горизонт расширился от узкого земного круга до космических масштабов. Что же такое космос? Это место, где ничего не падает. Человек плавает в воздухе, и может печатать на ноутбуке, который висит рядом. Вода, вылитая из бутылки, принимает форму шара или рассыпается по воздуху градом бусин. Космос ближе, чем можно подумать. До него всего 400 км, ближе, чем до многих стран — только вверх.

Что же, достаточно подняться повыше, и начнутся чудеса? Не все так просто. Второе необходимое условие: скорость. Летательный аппарат, разогнавшийся до скорости 8 км/сек, уже никогда не вернется на Землю, а будет вечно вращаться по орбите вокруг неё. И люди внутри этого аппарата смогут своими глазами увидеть все эти маленькие «чудеса». 8 км/сек — очень большая скорость. Это в 8 раз больше скорости пули и в 27 раз больше скорости звука. Как достичь такой фантастической скорости? Для того чтобы поставить и решить такую задачу, нужен больше, чем обычный человек. Нужен мечтатель. Такой человек родился в России в 1857 году. Его звали Константин Эдуардович Циолковский.

Большую часть жизни он был школьным учителем, что не помешало ему быть великим учё-

ным, провидцем, заложившим теоретические основы космонавтики. Сама задача, которую он решил в 1897 году, звучит просто: найти изменение скорости движущегося тела данной массы, при условии, что при движении была израсходована известная масса топлива, с известной скоростью истечения продуктов сгорания. Но это был прорыв. Циолковский открыл принцип реактивного движения — единственно возможный способ движения в свободном пространстве связан с отбрасыванием назад массы. Не ограничившись формулой, Циолковский предложил первый в мире проект ракеты: металлический корпус, жидкостный реактивный двигатель, жидкий водород в качестве топлива и кислород — окислитель. В дальнейших работах он предложил многоступенчатую конструкцию ракеты, которая используется до сих пор. Константин Циолковский не дождался воплощения в металле своих проектов, но он верил в могущество разума и видел его дальнейшие пути.

Прошло 40 лет. Вместо мирного пути освоения космоса получилось иначе. Началась Вторая мировая война. До неё исследования энтузиастов реактивного движения развивались параллельно: Годдард в США, Королёв в СССР, фон Браун в Германии. После прихода нацистов к власти были выделены значительные средства на разработку ракетного оружия, и в 1944 году

баллистическая ракета Фау-2 впервые взлетела, но не со спутником, а с 800 кг взрывчатки. Всего на землю Англии упало 3000 боевых ракет. Заметной роли в войне они не сыграли, зато продемонстрировали потенциал ракетного оружия, и специалисты СССР и США после победы внимательно изучили захваченные образцы.

После войны обе страны начали с освоения немецкого опыта, но первыми стали наши конструкторы. В 1957 году ракета Р-7 вывела на орбиту Земли первый спутник, созданный руками человека. Его «голос» принимали радиолюбители из всех стран земного шара. Трудно недооценить впечатление, которое произвело это выдающееся достижение. Достаточно сказать, что уже через полгода после его запуска было основано НАСА. Но догонять было поздно: 12 апреля 1961 года в космос полетел первый человек, советский лётчик Юрий Гагарин. Это был фантастический успех — улыбка Гагарина не сходила с передовиц газет всего мира. Один большой успех для Советского Союза, один большой провал для США. И Америка втягивается в космическую гонку, где следующим рубежом была экспедиция на Луну. Была у этой гонки и обратная сторона, ведь любая ракета может быть и средством доставки атомного оружия...

Прошло ещё 50 лет. Годы поисков и находок, трагедий и примеров настоящего героизма. Стали обычными многомесячные экспедиции на специально созданные космические станции. На орбите Земли появились сотни искусственных спутников: погодных, спутников связи, научных. Аппараты, построенные людьми, побывали на Луне, Марсе и Венере. Два дистанционно управляемых планетохода до сих пор исследуют поверхность Марса. Первый аппарат, совершивший посадку на Луне, был советским, но выиграла лунную гонку США. 21 июля 1969 года Нил Армстронг и Эдвин Олдрин высадились на Луне. В дальнейшем Луну посетили ещё пять американских экспедиций.

После покорения Луны «космическая гонка» была свёрнута, и темпы освоения космоса замедлились. С 1972 года ни один человек не отправлялся в космос дальше орбиты Земли. Грустно признать, что единственным смыслом многих космических программ был всего лишь спортивный азарт. Но космос — недешёвое удовольствие — доставка груза на орбиту обходится в 300 000 рублей за один килограмм.

Сейчас космонавтика переживает ренессанс. Разрабатываются проекты новых многоразовых ракет. Исследуются перспективы электродинамических двигателей, во много раз более эффективных, чем жидкостные. Рассматриваются планы по добыче редких металлов на астероидах. Россия тоже участвует в этом, в настоящий момент Роскосмос конструирует космический буксир с ядерной энергетической установкой. В китайской космической программе заложено строительство лунной базы. Но сама по себе Луна — промежуточный этап, остановка на пути к покорению всей Солнечной системы.

Сбываются слова Циолковского: «Человечество не останется вечно на Земле, но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство».

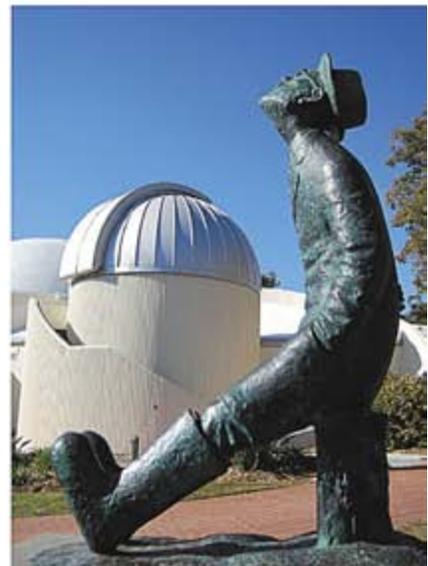
Королёв и Гагарин

Старт американского космического челнока

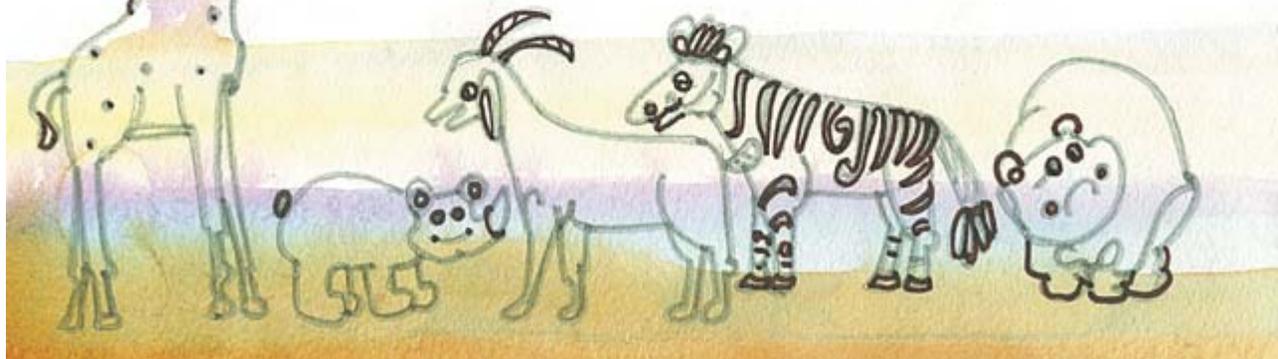
Английская газета «Дэйли миррор» на следующий день после полёта Гагарина

Памятник Циолковскому в Брисбене. Австралия

Как умывается жираф?

Утром слоновье стадо как обычно отправилось к реке. Кого только не было на берегу: рогатые антилопы, полосатые зебры, тонконогие газели. Посреди реки плавали толстокожие бегемоты, высунув из воды широкие плоские головы. Слоны тоже вошли в воду. Взрослые гиганты начали принимать душ, а малыши устроили весёлую кутерьму на мелководье: бегали, топали ножками, обдавая друг друга фонтанами брызг. Но строгие мамы-слонихи быстро навели порядок и разобрали детишек.

Мама У-у, так звали нашего героя, стала его учить:

— Набери в хобот воды и вылей себе на голову, потом вымой уши.

У-у нехотя втянул в хобот воду и разбрызгал её у себя над макушкой. Зачем надо умываться? Каждое утро одно и то же. Вымой левое ухо, потом правое. Какая скука! Слонёнок замотал головой и увидел пришедшего на водопой жирафа. У него была очень красивая шёрстка с затейливым узором. Длинношей красавец широко расставил ноги, нагнул голову и с трудом достал до воды губами.

— Хорошо быть жирафом, — вздохнув, сказал слонёнок.

— Почему ты так решил? — удивилась мама-слониха.

— Ему не надо умываться. У него такая длинная шея, что с трудом до воды достаёт. Да и нечем ему умываться, хобота у него нет.

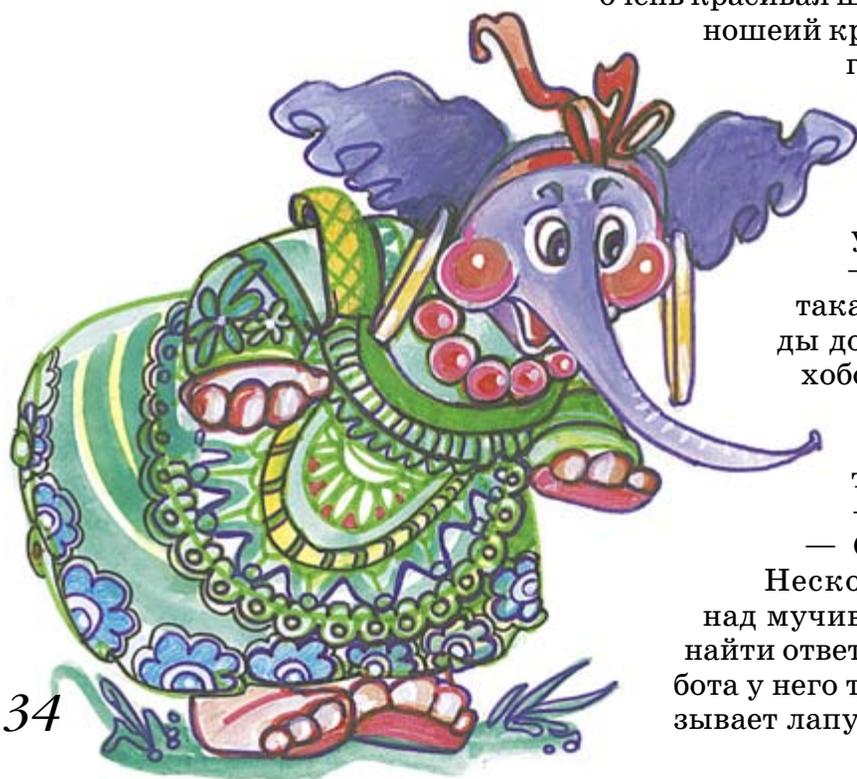
Слониха рассмеялась.

— У-у, ты ошибаешься. Жираф тоже умывается.

— Умывается!? Как он умывается?

— Об этом лучше спросить у жирафа.

Несколько дней слонёнок размышлял над мучившим его вопросом и никак не мог найти ответ. У-у видел, как это делает лев. Хобота у него тоже нет, поэтому он сначала вылизывает лапу, а потом чистой лапой умывается.

А у жирафа ноги с копытами. Копытом не умоешься, да и не достать ему ногой до головы.

Как-то слоновье стадо после обеда отдыхало у редколесья. Слонёнок У-у стоял возле своей мамы. Дремать ему не хотелось, он с удовольствием побегал бы, да нельзя. Мама будет сердиться. У-у принялся вертеть головой, наблюдая за тем, что творится вокруг, и увидел жирафа. Длинношей красавец обедал, срывая молодые веточки с верхушек деревьев. Слонёнок тихонько попятился и, крадучись, чтобы мама его не остановила, отправился в его сторону.

— Здравствуйте, дядя жираф. Я хочу вас спросить.

— Спросить, — удивился жираф и, перестав жевать, разрешил: — Спрашивай.

— Слоны умываются с помощью хобота, львы лапой. А как вы умываетесь, ведь у вас нет ни хобота, ни лапы.

— Нет, — согласился жираф. — Зато у меня есть длинный язык. Смотри.

Жираф высунул язык. Его язык не уступал по длине хоботу слонёнка.

— Вот это да! — восхитился слонёнок. — Какой длинный!

— Длинный, удобный. С его помощью я обрываю ветки с деревьев и умываюсь.

— Умываетесь языком?! — воскликнул У-у.

— Да. Языком. Смотри.

Жираф вылизал свои глаза, шею и дотянулся до ушей.

— Хороший у вас язык, — сказал слонёнок и озорно добавил: — а хобот лучше.

— У-у-у, — протрубил слонёнок и побежал к маме, которая только делала вид, что дремлет, а на самом деле наблюдала за сыном

«Хороший у меня слонёнок, любознательный», — порадовалась слониха и спросила строгим голосом:

— У-у, где ты пропадал?

— Мама, я узнал, как умывается жираф, — ответил слонёнок и снова протрубил:

— У-у, у-у.

Добрый день, меня зовут Дегтярёв Павел.
Мне 14 лет.

Живу в городе Видное (Московская область).
Нравится писать рассказы о природе, жизни людей, собственных наблюдениях. Публикуюсь в газете «Пионерская Правда», в журнале «Юный натуралист». Я хочу посвятить свою жизнь писательству и журналистике и знаю, что этому стоит сразу учиться на практике. Хочу отправить вам несколько своих рассказов и зарисовок. Уверен, что многому смогу у вас научиться.

Оренбургские степи

На южном склоне Урала,
На границе разных культур,
Раскинулся край величавый
Мой город родной — Оренбург.
Широкая степь и просторы,
Которых не видывал мир,
Меж них деревни и сёла
Под тенью облачных лир.
Здесь ветер сухой и суровый,
Зимой всё метёт и метёт.
И часто приходится снова
Снег убирать у ворот.
Здесь летом жара под сорок,
Как будто в пустыню попал,
А под вечер бывает погода,
О которой и не гадал.
А степь всё стоит, качаясь,
Под гнётом южных ветров
И тихо переливаясь,
На солнце во веки веков.

Дождь

Капли дождя, как слёзы,
Льют с неба ручьём.
Это майские грозы
Сегодня идут за окном.
И падают они, разбиваясь,
О землю, о чёрный асфальт,
Вдребезги разлетаясь,
Как алмазы, по сторонам.
Небо окрасилось в синий,
Гром прогремел грозовой,
И молния ударила мигом,
Промчавшись в глазах стрелой.
И вот всё вроде затихло,
Лишь ветер немного гулял.
Солнце вскоре вышло,
А воздух красками себя наполнял.

То сон, то явь

Под ветром леденящим душу
Я шёл окованный судьбой,
И ветер дул нещадно и не слушав,
Как будто он забыл, что я живой.
А буря громче нагнетала свой рык
навязчивый и злой.

И сердце сразу замирало
От той картины ужасной и живой.
Деревья низко наклонились,
Метя шальную пыль земли,
И молнии всё в небе бились,
Пытаясь всё выше уйти.
И вихрь взметнулся вдруг в небо,
Меня забирая с собой,
Но что же, что же я сделал,
Чтоб быть наказанным тобой?
И вот, о чудо, я проснулся,
Но сон не хочет покидать меня,
Тогда я подошёл к окну и ужаснулся.
На улице светило солнце и было сыро
После ночного дождя.

Вечер

Вечер тих,
И спит природа
Тихим мирным сном.
Вечер тих, и у порога
Васька спит кошачьим сном.
Вечер тих, и за окошком, покидая свет,
Лучик солнца убегает
На закате лет.
Вечер тих и благодатен,
И в саду моём
Звучно слышно на закате
Споры дятла с соловьём.
И от благодати той картины на душе
становится тепло,
Оставаясь неподвластной всему миру,
Открывая путь к тому, что не дано.

Видное

Зелёный город Видное
Цветёт он и поёт.
Об этом скажет вам любой деревьев переплёт.
И даже если раз один успеешь побывать,
Об этом городе никак не смеешь забывать.
А улицы, а улицы,
Таких ведь нет нигде,
Ах, если бы по улице пройтись сейчас бы мне.
По Заводской, по Школьной бы,
Советской и Лесной.
И пусть сейчас меня там нет,
Всегда они со мной.
И вновь встают передо мной и улиц кружева,
Деревья тёплым летним днём,
И старые дома.
И вот он живёт и тихо растёт
В тени подмосковных лесов,
И в сердце моём тихонько поёт
Свой вечный и сладостный зов.

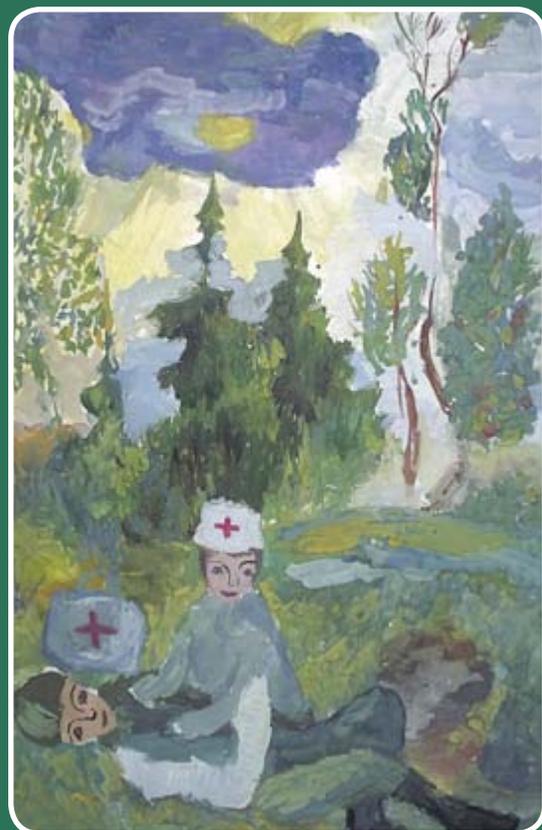
Наш ВЕРНИСАЖ

1

2

4

Работы учащихся ДХШ № 3 г. Сызрань

1. Сусуева Ксения, 14 лет, «Письмо».
2. Долгополова Яна, 15 лет, «Родные улочки».
3. Забегаева Элина, 16 лет, «Жди меня».
4. Афанасьева Надя, 9 лет, «Раненый солдат».
5. Немчинов Артур, 10 лет, «На границе»

3

5

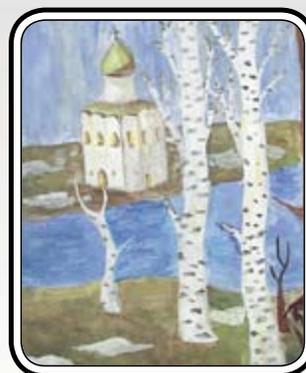
**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
 СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**
 Внутренняя улыбка

«Автопортрет Серебряковой, несомненно, самая приятная, самая радостная вещь... Здесь полная непосредственность и простота: истинный художественный темперамент, что-то звонкое, молодое, смеющееся, солнечное и ясное, что-то абсолютно художественное...»

Александр Николаевич Бенуа

Зинаида Серебрякова. Автопортрет («За туалетом»). 1909 г.

**СТРАНИЧКА
 ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА**

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ:
 Освоение космоса

РАССКАЗЫ:
 Два рассказа об отце